

Приют 17

Анна Вафина

Анна Вафина

Приют 17

«Автор»

2026

Вафина А.

Приют 17 / А. Вафина — «Автор», 2026

Никто из ныне живущих не помнит точный год, но в учебниках история Мира начинается с 2043 года. Один из политиков прошлого организовал всемирный военный переворот, названный в последствии Великим Объединением. 14-летняя Мира Ростова с детства слушала рассказы отца об идеальном едином обществе без рас, национальностей и языковых барьеров. Но истину о Мире ей суждено было узнать лишь после смерти. Отказавшись от прежней жизни, она доверилась солдату Крису и отправилась в место, необозначенное ни на одной карте. Его называют «Приют 17», и кто руководит им, не положено знать даже высшим командорам. Академия, прошлое и настоящее которой таит в себе страшные тайны, — единственный шанс Миры выжить... или умереть.

© Вафина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анна Вафина

Приют 17

Глава 1

В 14 лет Мира еще не думала о смерти. По крайней мере, о собственной. На девятый день рождения отец подарил ей хомячка, который прожил всего трое суток. Мира так и не поняла, что послужило причиной его кончины, но горько плакала, закапывая самодельный гробик на заднем дворе дома. Еще через два года она впервые побывала на похоронах, когда умерла сестра ее бабули. Тогда Мира уже не ревела, потому что даже не знала ее, зато с удовольствием уплетала за обе щеки поминальный обед. После этого она долгое время считала, что смерть забирает только хомячков и стариков, поэтому и не предполагала, что ее жизнь может оборваться, едва начавшись.

Это было 6 апреля 2116 года — день, когда Мира Ростова умерла. Ей казалось, что он должен был хоть чем-то отличаться от других. Но это была самая обыкновенная суббота. Ярко светило солнце, на небе не было ни единого облачка, а ветер нежно касался кожи, обдавая ее приятным теплом. Утром, как и обычно, мама готовила оладьи на кухне, а по телевизору показывали познавательную детскую программу «Хочу все знать», ее всегда с интересом смотрел Тим, а потом доставал отца вопросами: «А правда то? А правда это?» Павел никогда не отказывался от ответов и удовлетворял любопытство сына. Но в тот день его настроение было неважным. В свой выходной он был вынужден собираться на работу из-за внепланового совещания, на котором, как учитель истории, должен был обязательно присутствовать.

«Благодаря великому Миротворцу Джанардану наш Мир отныне процветает. Мы все разговариваем на одном языке, в нас нет ненависти и понятия разности. Мы все — единый народ. И теперь Кевин, Даша, Аран, Чжень Син и ты, наш маленький друг, можете вместе ходить в школу, общаться без каких-либо ограничений и думать о прекрасном будущем, которое вы построите в Мире. Уже через пять дней состоится всеми любимый праздник Великого объединения. В честь этого события по всему Миру пройдут», — ведущий передачи прервался, уступая место музыкальной группе, выступление которой показывали по другому каналу.

— Эй, Мира! Так нечестно! — вскочив с дивана, Тим накинулся на сестру в попытках отобрать пульт, но она была намного выше его. — Мама, Мира опять не дает мне смотреть телевизор!

— Да ты достал и так всегда смотришь свои мультики! Моя очередь, — Мира показала шестилетнему брату язык и сделала звук на телевизоре громче.

— Мама! — пытаюсь перекричать музыку, завопил мальчик, чем вызвал только смех сестры.

Арии было не до этого. Последняя партия оладушек и так пригорела из-за спешки, а Мира с Тимом постоянно ругались — в этом не было ничего нового. Поэтому женщина, даже не обернувшись на детей, строго произнесла: «Успокойтесь!» А затем продолжила колдовать над завтраком.

После безуспешной борьбы за пульт Тим все-таки уступил место на диване сестре, забыв напоследок незаметно вытереть о ее футболку палец, минуту назад исследовавший вечно сопливый нос. И хоть Мира ничего не заметила, Тим все равно словил на себе недовольный взгляд отца. Мальчик сразу же покраснел и с виновато опущенной головой сел за стол напротив папы. Он для него был авторитетнее и важнее всех на свете. Тим очень любил слушать об истории Мира, всегда просил отца приносить с работы новые интересные картинки. На подго-

товительных занятиях для детей, которые вот-вот должны пойти в первый класс, Тим всегда хвастался: «А вот мой папа знает всю-всю историю!» Мальчишки и даже некоторые девочки собирались вокруг Тима и внимали каждому его слову, хотя маленький Ростов никогда полностью не запоминал все, что говорил отец, поэтому часто включал фантазию.

— Пап, а куда мы пойдём на Объединение? В передаче сказали, что будет праздник, но я больше ничего не успел услышать, — Тим бросил взгляд, полный детской самой лютой ненависти на сестру, танцевавшую возле телевизора.

— Пока не знаю, Тим, — устало, но с улыбкой сказал старший Ростов. — А что это за праздник, ты успел послушать?

Тим затряс головой из стороны в сторону, из-за чего ему на глаза упали светлые кудряшки, и отцу пришлось помочь убрать непослушные волосы за уши. Ответ сына главу семьи никак не удивил. Хотя он и рассказывал об этом каждый год, Тим никогда не запоминал информацию. Пока Павла это умиляло, но он надеялся, что, повзрослев, мальчик станет внимательнее.

— Великое объединение, которое мы отмечаем каждый год 11 апреля, — это один из самых важных праздников. В этот день мы вспоминаем события давно минувших дней, когда 187 стран решили образовать единое государство, которое мы теперь все зовём Мир. Мы даже твою сестру так называли, потому что чтим память об этом великом событии, — Павел глянул в сторону дочери, которой было совершенно все равно на его рассказ. — Помнишь, в мультике, который ты смотрел, был герой, объединивший народы? Мы зовём его Миротворец Джанардан. Именно он поспособствовал образованию Мира. На его стороне были армии стран, которые, насколько известно, 11 апреля 2043 года единовременно убили прежних правителей, их потомков, друзей и даже дальних родственников.

— Какие ужасы ты рассказываешь, — Ария подошла к мужу и поставила перед ним тарелку с оладушками, — лучше про праздник говори.

— Нет! — тут же запротестовал Тим. — Хочу про кровяку, буэээ!

Павел засмеялся, когда сын обмазал пальцы в клубничном варенье, и еще больше захотел, когда за это Тим получил легкий подзатыльник от матери.

— Хватит баловаться, ешь давай, — строго произнесла Ария, а затем поцеловала сына в макушку. — Мира, есть!

Неохотно сделав звук на телевизоре тише, Мира бросила пульт на диван и поплелась, шаркая по полу, к столу, за которым уже собрались все члены семьи. Еще пару лет назад Мира любила такие завтраки, когда они болтали, смеялись, подшучивали друг над другом. Еще ей нравилось, что Тим сидел на отдельном стульчике, а не рядом с ней, все время влезая своими грязными руками в ее тарелку. Но после 14-летия Мира все чаще ловила себя на мысли, что ее раздражали и папины поучительные истории, и мамина несовершенная еда, и, разумеется, несносный младший брат. Она все еще любила всех их, но предпочитала проводить время вне дома или, на крайний случай, за закрытыми дверями своей комнаты.

— Мира, а вы уже проходили Великое объединение? — Павел попытался втянуть в разговор дочь, но та без энтузиазма лишь молча кивнула, быстро прожевывая оладьи. — Может, расскажешь брату подробности? Мне уже надо бежать, иначе опоздаю.

— Всех политиков в один день кокнули, как и недовольных новой властью, а всем остальным залезли в бошки, все там перевернули и сказали: «Живите дружно», — ковыряясь в тарелке, протараторила девочка, лишь бы от нее поскорее отстали. — Можно я уже пойду?

— Пап! Мира неинтересно рассказывает, давай ты! — закричал Тим и залез ногами на стул, чтобы видеть отца, уже собиравшегося выходить из дома.

— Расскажу вечером, когда вернусь. И, Мира, ты тоже будешь слушать, потому что теперь я понимаю, откуда у тебя тройка по истории, — Павел послал воздушный поцелуй жене, поймал ее улыбку и выбежал из дома.

— Мам, что мы будем делать в праздник? — стоило отцу уйти, как внимание Тима переключилось на маму. Он плюхнулся вновь на стул и схватил оладушек. — Пойдем в парк? Будем запускать салюты? А в кино пойдем?

— Господи, какой ты глупый, — тихо взмолилась Мира, после чего из ее тарелки неожиданно пропал оладушек, а у Тима порция вдруг стала немного больше.

— Мира, нельзя так говорить о брате, — Ария серьезно посмотрела на дочь и переключила внимание на сына, когда та закатила глаза. — Пока не знаю, дорогой. Если папу вновь не вызовут неожиданно на работу, то пойдем гулять в центр. Уверена, там устроят праздник. А вечером позовем гостей. Все-таки Объединение — это день, когда мы собираемся все вместе и радуемся тому, что едины.

Тим еще долго пытал маму вопросами, выпрашивал истории о создании Мира. Но Ария была не так подкована в этой теме, как Павел, поэтому отвечала дежурными фразами. Ей было известно лишь то, что и каждому гражданину Мира. В подробности она не вдавалась. Она родилась уже спустя 30 лет после образования страны, ее родители тоже особо ничего не знали. А бабушки с дедушками, заставшие Объединение, неохотно делились деталями, ведь, как бы радужно сейчас не выставляли это миротворцы и представители СМИ, тогда людям пришлось пережить настоящий ад.

Когда Арии было 11, она осталась с бабушкой Софией на несколько дней, потому что родители уехали в командировку. Ария помнила, что старушку постоянно мучали кошмары, и она не могла спать без лошадиной дозы снотворного. Но в одну ночь София не могла уснуть даже с таблетками, поэтому разговорилась с внучкой и рассказала о процедуре переработки воспоминаний, через которую прошли все жители нового Мира. У Арии на всю жизнь остались в памяти следы от уколов на морщинистых руках. Первая инъекция стирала все воспоминания и знания людей, вторая — возвращала уже переработанные. Везло, если все получалось скорректировать с первого раза, но большинство, в том числе бабушка Арии, проходили через процедуру снова и снова, чтобы искоренить прошлое. София тряслась, когда мысленно возвращалась в те времена, потому что в один момент ее жизнь просто переписали, и она даже представить не могла, что ей вернули, а что забрали навсегда. Больше Ария не расспрашивала бабушку ни о чем и перестала оставаться с ней наедине.

Неудивительно, что ее дочь Мира тоже несильно интересовалась историей. Девочка больше любила самые обыкновенные подростковые вещи — поп-музыку, компьютерные игры, комиксы. Еще Ария часто слышала, как дочь по несколько часов обсуждала с подружками мальчиков. Мира быстро повзрослела. Ария даже не успела понять, когда она вдруг отбросила кукол и стала обклеивать комнату плакатами с изображениями каких-то артистов. А еще Мира закрывалась от матери — не только физически, но и на психологическом уровне. Раньше они много разговаривали, смотрели вместе фильмы, но сейчас Ария все чаще сидела в гостиной одна, глядя в запертую дверь комнаты дочери, и успокаивала себя мыслями, что это просто такой возраст.

Неудовлетворенный ответами мамы Тим переключился с тарелкой недоеденных оладушек на диван, а Ария перевела взгляд на дочь, которая почему-то продолжала сидеть за столом, хотя обычно убегала к себе в комнату при каждом удобном случае.

— Ты о чем-то хочешь поговорить? — Ария попыталась прочитать на лице Мира, что ее беспокоит, но она не поднимала глаза на маму.

— Да не-е-ет, — протянула Мира, продолжая без интереса ковырять вилкой остывший завтрак.

Подождав еще пару минут продолжения разговора, Ария встала с места и начала собирать тарелки, но резко остановилась, когда Мира все-таки вновь заговорила.

— Просто хотела спросить, я прямо очень нужна вам на Объединение? — спросила девочка слегка дрожащим голосом. — Я просто... Там короче, — Мира все никак не могла сфор-

мулировать свои мысли или же боялась на чистоту говорить с мамой. — Приедет моя любимая группа «Если сегодня будет завтра», они дают единственный концерт в «Ночном крыле». Билеты прям дешевые, честно! И мои друзья уже их купили.

— «Ночное крыло»? Не помню у нас такой арены, — Ария не подавала вида, но разговор уже заставил ее напрячься. Она предвидела, что ей придется в этот прекрасный солнечный день стать для дочери врагом.

— Да, она не тут. Я посмотрела, там до нее на автобусе около шести часов езды. Мам! — Мира встала с места и повысила голос, следя за настроением матери и чувствуя отказ. — Там все безопасно, честное слово! И Глеб, Розалин, Кристи едут. Их всех уже отпустили. Правда-правда!

— Какие шесть часов на автобусе, Мира? Тебе 14. Никуда твоя группа не денется, приедет в следующий раз, и мы ходим на концерт вместе, — Ария говорила спокойно, хотя внутри закипала.

— Но я хочу сейчас! — девочка хлопнула по столу, испугав маму, и сразу же об этом пожалела.

— Значит так, — Ария стукнула кулаком по столу в ответ, и это оказалось в несколько раз страшнее того несчастного хлопка Миры, — я сказала «нет». Ты останешься дома и будешь проводить праздник со своей семьей. Можешь так друзьям и передать.

Слезы подступили к глазам, но Мира держалась до последнего. Она тяжело дышала, сверля маму взглядом, полным ненависти, и хотела провалиться сквозь землю. Тим наблюдал за всей сценой с дивана, позабыв о мультиках.

— Так нечестно! Они больше никогда не приедут! — буря, бушевавшая внутри Миры, вылилась наружу горькими слезами. Они катились по розовым щекам и попадали на ранки на губах. — Ты будешь виновата, что я никогда их не увижу! Ненавижу тебя!

Вытерев рукой слезы и сопли, девочка со всех ног побежала в свою комнату, а, оказавшись внутри, защелкнула замок. Обида на маму была настолько сильной, что Мира даже не думала, насколько ужасные слова сказала в порыве эмоций. Все ее мысли были лишь о том, что она не поедет на концерт, о котором грезила последние три месяца. А еще она представляла, как гитарист Томи, плакат которого висел у нее над кроватью, приглашает на сцену дуру Кристи, потому что ее, в отличие от Миры, родители отпустили.

Спустя полчаса рыданий Мира взяла в руки телефон и написала своей лучшей подруге Розе, не опустив десятки ругательств в адрес мамы. Розе посоветовала Мира дожидаться отца и отпроситься у него, но она не знала, что папа — последний человек, который разрешил бы Мира поехать на концерт.

В отличие от Арии, Павел был преданным гражданином Мира. С самого детства он восхищался Джанарданом, хоть никогда и не видел его, и мечтал когда-нибудь стать если не одним из 20 миротворцев, то хотя бы солдатом объединения, чтобы быть приближенным к командорам. Первым ударом для Павла стало то, что его здоровье было слишком слабым, чтобы быть военным. А уже в старшей школе он столкнулся со вторым — невозможностью удерживать внимание публики и выступить на сцене. Стоило ему выйти перед большим количеством людей, как ноги начинали подкашиваться, а капли холодного пота проступали на затылке. Но Павел все равно решил не отказываться от своей страсти и начал еще более углубленно изучать историю создания Мира. А выяснив, что дети слушают его охотнее взрослых, он стал учителем. Павел часто жаловался на свою работу, но так или иначе любил ее, иногда даже ставя на первое место в жизни, забывая о семье.

Однако, когда дело касалось Миры — любимицы Павла, он всегда включался на 100 процентов. Мужчина оберегал свою девочку и воспитывал в строгости, желая, чтобы она стала достойным гражданином Мира, следовавшим его идеалам.

— Какой еще концерт? Это ее эти ребята из школы подговорили? – Мира слышала возмущенный голос отца, вернувшегося домой, и не высовывалась из комнаты. — Надо поговорить с родителями Розалин. Неужели Марта действительно отпустила ее? Они ведь еще дети.

Мира и не думала разговаривать с отцом, как советовала Роза, но надежда на то, что он все-таки будет на ее стороне, не покидала до момента его возвращения. Девочке не нужно было видеть его лицо, чтобы знать — он ни за что не разрешит ей поехать.

Рюкзак уже стоял на столе. Оставалось только обуть заранее подготовленные кроссовки, но Мира медлила. Еще никогда в жизни она не сбегала из дома и не обманывала родителей. Некоторые из ее друзей сразу решили, что не будут даже спрашивать разрешения поехать, а она, как дура, хотела быть хорошей. И даже когда мечта норовила вот-вот выскользнуть из ее рук, она все равно мешкала и боялась оказаться в глазах мамы и папы плохой дочерью.

На часах было уже 16:20, а автобус приезжал в 17:00. Больше медлить было нельзя. Отбросив последние сомнения, Мира, не развязывая шнурки, натянула розовые кроссовки на высокой подошве, накинула на плечи рюкзак и открыла окно. *«Прыгать невысоко. Ты сможешь, Мира»*, — подумала девочка, а затем полетела вниз, приземлившись на коленки. Джинсы остались целы. Отряхнувшись от грязи, попавшей на одежду, Мира побежала прочь от дома напрямиком на остановку.

Она бежала так быстро, как только могла. Ветер подхватывал ее длинные темные волосы и поднимал вверх. Тяжелый рюкзак на спине немного тормозил, но Мира не останавливалась даже тогда, когда ляжки спадали с плеч. В него она сложила все, что могло понадобиться — сменное белье, украденную у мамы косметику, белый топ со стразами, украшения, туфли, листы бумаги и карандаши для изготовления плакатов и питательные батончики, которые папа брал с собой на работу, когда мама не успевала приготовить обед. Они были разработаны для солдат, но были очень востребованы и среди мирного населения.

На остановку Мира прибежала как раз к приезду автобуса. Там было много народа, но она не знала никого. Все ее друзья должны были сесть на следующей остановке — так они договорились. Согнувшись пополам, Мира черпала ртом воздух, пытаясь прийти в себя после забега.

— Тебе помочь?

Сначала Мира увидела ботинки той, что обратилась к ней. Она еще подумала: *«Какие красивые, никогда таких не видела»*. Это были черные грубые берцы, похожие на армейские, но украшенные различными нашивками, стразами и значками. А вместо шнурков хозяйка использовала нежно-розовые гибкие ленты. Мира тоже такие выпрашивала у мамы в магазине, но они были слишком дорогие.

Выпрямившись, Мира подняла глаза и увидела перед собой девочку своего возраста. Она была в кепке и капюшоне, будто пряталась от кого-то, но при этом улыбалась незнакомке.

— С чем? — непонимающе спросила Мира, разглядывая странную девочку в крутых ботинках.

Незнакомка кивнула на рюкзак.

— Тяжелый, наверное?

— Да нормальный, — Мира рефлекторно схватилась за ляжку рюкзака, будто девочка могла отобрать его в любой момент. Кто знает, как ей достались эти чудесные ботинки?

Не продолжая странный разговор, Мира посмотрела в телефон и увидела сообщение от Розы. Ее друзья уже были на пути на остановку. Если автобус выедет вовремя, то они должны будут встретиться через полчаса. Мира обошла незнакомку и прошла в автобус, оплатив билет до конечной. К ее удивлению, девочка в капюшоне последовала за ней, но не села рядом. Как и Мира, она была одна и никого не знала, поэтому заняла одинарное кресло у окна. На секунду Мира даже задумалась, а не позвать ли ее к себе, но потом отогнала эти мысли. Уже через

полчаса в автобус зайдут Розы, Кристи и Глеб. И зачем ей заводить знакомство с какой-то странной девочкой?

Автобус отъехал от остановки ровно в 17:00, и Мира выдохнула. Родители не успели заметить пропажу или не поняли, куда она убежала. Думая о том, что скоро она увидит свою любимую группу, Мира отбрасывала все сожаления. Все-таки концерт пройдет 10 апреля, и она даже может успеть вернуться к празднику. *«Они поругаются, но будут рады, что я вернулась»*, — размышляла Мира, прислонившись головой к прохладному стеклу. Чтобы родители не волновались, она решила написать им, когда будет уже на месте — тогда они точно не успеют добраться до нее раньше концерта. *«А Тим так вообще будет рад, что я вдруг попала. Все внимание будет приковано к его вредной заднице»*, — мысли о брате заставили Миру окончательно перестать жалеть о своем поступке.

Остановка, на которой ждали ее друзья, находилась буквально на следующей улице, и Мира интуитивно начала осматривать свободные места в автобусе. Два были в начале салона, еще два прямо возле нее. Им нужно будет зайти в числе первых, чтобы успеть их занять. Но еще одно кресло располагалось рядом с девочкой в капюшоне. Она сидела, поджав ноги к груди, неотрывно смотря в окно. Казалось, она была где-то в своих мыслях.

«Странная», — в очередной раз подметила Мира, но резкая остановка автобуса заставила ее отвлечься. Еще было слишком рано. Девочка в капюшоне вдруг оторвалась от окна и посмотрела в сторону двери. Мира сделала то же самое и увидела, как в салон зашел солдат в черном мундире со знаком Мира на правом плече. Он встал в самом начале салона, держа в руках оружие. Это был первый раз, когда Мира так близко видела солдата объединения. Не двигаясь с места, он осматривал каждого человека в автобусе, а когда его взгляд упал на Миру, она рефлекторно вжалась в кресло. Мысль о том, что этот солдат здесь из-за ее побега, страшно пугала, и Мира ничего не могла поделать с бешено колотящимся в груди сердцем. Но солдат, задержав на ней взгляд лишь на пару секунд, перевел его на обладательницу красивых ботинок.

— Всем оставаться на местах, — скомандовал солдат, хотя никто и так не думал шевелиться, а затем приложил палец к передатчику под ухом. — Мы захватили автобус, можем ехать.

Раздался громкий выстрел, и голова водителя с дырой в виске упала на руль, забрызгав все вокруг кровью. Пассажиры один за другим начали падать на пол, прикрывая головы руками.

— На пол, живо! — Мире показалось, что крик солдата был обращен к ней, потому что она, в отличие от остальных, продолжала сидеть на кресле не в силах пошевелиться.

Чья-то рука схватила девочку за штанину и потянула вниз. Спускаясь на пол, Мира видела, как другой солдат вышвырнул тело водителя из автобуса и занял его место, а еще трое военных в черных мундирах зашли в салон и приставили автоматы к головам людей, которые не понимали, что происходит.

— Тише, девочка, прижми голову, — женщина, что стащила Миру на пол, накрыла ее голову своими руками, закрывая обзор.

Больше Мира не видела ничего. Она чувствовала, как дрожали чужие руки на ее голове, и как они вмиг стали тяжелыми, когда раздался очередной выстрел, а рядом образовалась лужа густой красной крови.

Глава 2

Мира не двигалась вплоть до момента, пока к ней не подошел солдат и не заставил встать, отбросив в сторону бездыханное тело женщины. Мужчина схватил ее за предплечье и выволок из автобуса, оставляя рядом с другими пассажирами автобуса. Мира огляделась. Они были в незнакомом ей заброшенном месте далеко от города. Это была какая-то промзона, и рядом не было никого — только они и четверо солдат, призванных всегда охранять граждан Мира.

«Запомни, Мира, если увидишь черный мундир, то это один из самых достойных людей нашего общества. Это лучшие из лучших, отобранные лично командорами», — так всегда говорил ей отец. Солдат объединения, в отличие от солдат порядка, увидеть можно крайне редко. Всю жизнь Мира видела на улицах лишь белые мундиры. Один такой солдат даже приходил к ним в школу и читал лекцию про правила дорожного движения, а вот черные мундиры ей доводилось наблюдать только по телевизору. Такие солдаты выполняют личные поручения командоров, и, как твердил папа Миры, действуют только во благо.

Мира пыталась удерживать эти мысли в голове и образ бравых солдат объединения из рассказов отца, когда смотрела на трупы, которые эти самые черные мундиры, «одни из самых достойных», выносили из автобуса.

— Уважаемые граждане, — Мира и пассажиры вздрогнули, когда к ним обратился один из солдат, закрывая собой тела, — сейчас мы с вами централизованно проследуем в здание, расположенное от вас по правую руку. Просьба идти спокойным шагом, не толпиться, не издавать резких звуков. Это необходимая мера.

Это был новый солдат, не из тех, кто захватывал автобус. Вместе с ним приехали еще трое, и того было семь черных мундиров.

Мира бросила последний взгляд на трупы, а затем вместе со всеми развернулась и медленно пошла в толпе к зданию, на которое указывал солдат. Сам он шел впереди процессии, а еще двое военных следовали сзади. Это походило на страшный сон, в котором Мира не хотела оказываться. Она хотела написать друзьям, что ждали ее на остановке, но телефон пропал еще в автобусе — вероятно, та женщина вытащила его, желая позвать на помощь, за что и была застрелена. Хотя, кому она могла позвонить, если оружие к ее голове приставили не преступники, а солдаты объединения?

Внутри здания было темно и холодно. Оно было заброшенным и, скорее всего, раньше служило каким-то заводом. В одном из помещений уже были люди. Около десяти человек сидели прямо на грязном полу в абсолютной тишине, а рядом с ними стоял солдат. *«Восьмой»*, — посчитала Мира, сама не понимая, зачем.

Среди тех людей Мира заметила девочку в капюшоне. Она сидела дальше всех у стены, не двигаясь. Но, в отличие от той женщины в автобусе, она дышала, просто предпочитала не привлекать внимание.

— Уважаемые граждане, — вновь заговорил солдат, который привел Миру и ее группу, — мы останемся здесь на неопределенное время. Пожалуйста, располагайтесь и не переживайте, все будет в порядке.

Солдат говорил нарочито добродушно, и это подвигло одного из мужчин впервые за все время подать голос.

— Как нам не переживать, когда на наших глазах убили трех человек? — он старался говорить четко, но дрожь в голосе выдавала его страх.

Черный мундир, который единственный из всех вежливо беседовал с заложниками, улыбнулся.

— Неужели вы думаете, что солдаты объединения убили бы ни в чем неповинных граждан? — рука солдата легла на автомат, и все рефлекторно отшатнулись от него. — Поверьте,

смерти этих людей были необходимы нашему единству. А теперь проследуйте к остальным и отдыхайте.

Солдат вновь улыбнулся и указал на людей, сидящих на полу. Не испытывая удачу, вся группа направилась к остальным, слепо доверяя добродушному военному. Даже Мира, которая несколько минут назад смотрела на трупы, теперь думала, что они действительно могли быть предателями, дефектными или, что еще хуже, мятежниками из разрозненных земель. В таком случае их смерть — это благо.

Никто ни с кем не разговаривал, но все равно все делились по группам. В основном кучковались люди, изначально знавшие друг друга. Мира же не успела познакомиться ни с кем, ведь ее друзья должны были зайти в автобус на следующем повороте...

Увидев красивые ботинки, особенно выделявшиеся в этом страшном месте, Мира направилась в сторону их хозяйки. Она присела рядом с девочкой и взяла ее за руку, желая успокоить. Ей казалось, что незнакомка сильно боится, вот и сторонится других. А сама Мира ведь теперь знает — все будет хорошо, потому что солдаты объединения просто устраняют дефектных или даже самих мятежников!

— Боишься? Не бойся, все будет хорошо. Солдаты просто ищут мятежников. Как только угрозу устранят, нас отпустят, — Мира держала девочку за холодную руку, которая была такой нежной, будто ее днями и ночами мазали самыми дорогими кремами.

— Не отпустят, — пробубнила незнакомка в ответ, но руку не выдернула.

— Еще как отпустят! Ты ведь тоже на концерт ехала? Я видела, что ты оплатила билет до конечной. Я обожаю «Если сегодня будет завтра», каждую их песню наизусть знаю. А еще, — Мира хотела достать из рюкзака значок группы, который купила специально перед концертом, но сумка осталась где-то под сидением в автобусе. — Ладно, я потом покажу. У меня есть значок, на котором изображена вся группа.

Незнакомка слушала Миру без интереса, но не прерывала ее, как будто ей просто нравилось, что кто-то разговаривал с ней. Она слушала о любимых песнях Миры, о ее любви к гитаристу Томи, который носил исключительно черные вещи и имел три татуировки на спине, а еще о друзьях девочки, которые точно-точно ждут ее и волнуются. И хоть болтовня Миры была пустой, ей просто нравилось держать ее за руку и думать, что они действительно скоро выберутся отсюда.

Когда уже стемнело, солдаты раздали всем воду и питательные батончики. Мира заметила, что девочка крутила снек в руках, не понимая, что с ним делать, поэтому помогла ей его открыть.

— Вот, — Мира развернула упаковку, засунув свой батончик в рот, — это вкусно! — проговорила она с набитым ртом.

Девочка в капюшоне улыбнулась и откусила немного, поморщившись. Угощение явно пришлось ей не по вкусу, но она все равно съела все до последней крошки. Никто не знал, сколько им тут предстоит сидеть, поэтому была важна любая еда.

— А как тебя зовут-то? — облизав пальцы, поинтересовалась Мира, вызвав смех у девочки. — Да, прости, что раньше не спросила. Я Мира.

— А твои родители долго над именем не думали.

— И не говори. В моем классе четырех девочек так зовут, — Мира закатила глаза и, забрав упаковку из-под батончика новой подруги, слизала крошки.

— Неудивительно, это самое популярное имя с момента Великого объединения.

— Ну все, хватит смеяться. Как твое имя? — пытаюсь сменить тему, вновь спросила Мира.

— Можешь называть меня Иса.

«Странно, но все лучше, чем Мира», — Мира подумала об этом, но вслух не произнесла. Ей не хотелось портить едва зародившуюся дружбу. Она действительно терпеть не могла свое имя. С самого детства она была в окружении девочек, которых звали точно так же. А еще были

дети, которые дразнили ее, называли родителей фанатиками. Доля правды в этом, конечно, была, ведь чаще всего это имя выбирали те, кто всеми силами хотел показать свое расположение к власти. Но в основном Миру просто бесила ассоциация с Миром и миротворцами.

Из-за отсутствия телефона Мира теперь не могла определить время. Она лишь догадывалась, что было около девяти часов вечера, когда солдаты, до этого ничего не делавшие, вдруг зашевелились. Остальные люди уже успели расслабиться, поэтому не обращали на это внимания, но новая подруга Миры следила за каждым шагом черных мундиров.

— Иса, что такое? — тихо спросила Мира, проследив за взглядом девочки.

— Они получили приказ, — Иса ответила без каких-то эмоций, но, когда схватила Миру за руку, та почувствовала ее страх.

— Это значит, что нас скоро отпустят, да? — в отличие от подруги, которая почему-то не верила черным мундирам, Мира не теряла позитивный настрой. — А откуда ты знаешь о приказе?

— Просто знаю, — Иса заставила себя отвести взгляд от солдат и посмотрела на подругу. — Мира, хочешь, кое-что покажу? Это, конечно, не твой крутой значок, но, может, тебе понравится.

Получив в ответ кивок, Иса огляделась по сторонам, а после немного приподняла кепку и вытянула прядь небесно-голубых волос. Мира никогда не видела ничего подобного. В школе не запрещали красить волосы, но действовало правило — никаких ярких неестественных оттенков. Существовал даже перечень цветов, в которые никто и никогда не имел права красить волосы детям. Это было связано с тем, что цветные волосы являлись отличительной особенностью наследников командоров. У каждого из 72 командоров был свой оттенок, который они регистрировали еще во время беременности. Даже попытка подделать цвет предусматривает высшее наказание, так как дети командоров неприкосновенны.

— Это все ты, — еле дыша, произнесла шепотом Мира, — ты предатель.

Иса округлила глаза, а затем закрыла рот подруги ладонью.

— Нет же. Это мои волосы! — так же шепотом сказала Иса и убрала ладонь с чужих губ, как только убедилась, что Мира не будет кричать. — Я не подделывала цвет. Это мой оттенок. Вот, смотри, — Иса достала из кармана кольцо и протянула его подруге, — это кольцо моего отца. Я ушла из дома, и, наверное, этих солдат направил он, чтобы вернуть меня.

— Но ты... Но как, — Мира держала в руках кольцо и смотрела на голубую прядь волос, не в силах подобрать слова, чтобы выразить свои эмоции.

В отличие от миротворцев и солдат, командоров не выбирает народ. Они получили свою власть после Объединения за заслуги перед Джанарданом и проявленный героизм. Их звание передается по наследству, а в случае отсутствия или смерти наследника просто пропадает. Поэтому у семей командоров есть особые привилегии. Они все носят отличительные знаки с ДНК командора. А так как дети — это залог продления власти командора, их особенно охраняют. Мира никогда не видела «радужных детей» и даже не верила, что они в принципе существуют. Но один такой ребенок сидел прямо перед ней и держал ее за руку.

— Прости, что не сказала раньше, просто я боялась. У меня раньше не было друзей, и я даже не знала, как себя вести. Мне очень жаль, что ты оказалась здесь из-за меня. Но давай, когда я вернусь домой, а ты съездишь на концерт, мы обязательно свяжемся и продолжим общаться?

Иса говорила очень быстро, и Мира даже не успевала что-либо отвечать. Причина ее тарбарщины выяснилась довольно скоро, когда солдаты выровнялись по струнке и в помещение вошел еще один черный мундир.

— Всем подняться! Живо! Живо! Живо! — скомандовал солдат, и заложники начали медленно вставать со своих мест. Кто-то даже выругался из-за того, что ждать пришлось слишком долго.

Мира с Исой улыбнулись друг другу и поднялись на ноги, держась за руки. Дочь командора знала, что пришли за ней, поэтому встала чуть впереди новой подруги, закрыв ее собой. Девочке не хотелось, чтобы солдаты отца как-то навредили Мире.

— Целься! — вновь скомандовал солдат, и восемь автоматов разом поднялись. Один из них был направлен прямо на двух девочек, держащихся за руки. — Огонь!

Крики и выстрелы раздались одновременно. Мира даже не успела понять, что произошло. Перед глазами вдруг стало темно, и она упала без чувств. А через минуту все затихло. Ни единого звука. И только нежная девичья рука все еще лежала в ее ладони.

Глава 3

В пальцах дотлевала уже третья сигарета за этот бесконечный вечер. Крис неоднократно хотел бросить пагубную привычку, но работы в последнее время было много, а нервы у него уже давно ни к черту, поэтому он тратил почти половину зарплаты на пачки, которые раньше стоили сущие копейки.

— Эй, Крис, одолжи одну, будь другом, — солдат по имени Вай подпер стену возле Криса и как наркоман уставился на сигарету в его пальцах.

— Иди нахер, — сказал Крис, после чего с сожалением докурил и затушил бычок.

Вай не обиделся на товарища, все-таки достать сигареты в нынешнее время было очень тяжело. В основном продавали их подпольно и за огромные деньги. В Мире экология и здоровье каждого гражданина были в приоритете, и не каждый мог себе позволить идти против системы. Но у солдат объединения были свои привилегии. Например, они могли провести облаву под видом спецоперации, изъять товар и оставить себе.

Крис подобным не занимался. Не для того он проходил жесткие отборы, чтобы стать солдатом объединения. Не сказать, что у него был выбор, ведь ничего другого, кроме как быть воином, он не умел. Но он все равно пытался придерживаться своих принципов и служить только во благо обществу.

— Как думаешь, что в итоге с девчонкой будет? — Вай явно был настроен на разговор, и Крис его не винил, ведь они уже несколько часов торчали на заброшенном заводе без каких-либо дальнейших указаний.

— Дождемся приказа и узнаем, — машинально Крис потянулся к внутреннему карману, где всегда носил пачку сигарет, но потом отдернул руку, пожалев товарища. — Если бы миротворец Адамс хотел просто вернуть дочь командору Райсу, то нам бы не пришлось держать всех этих бедных людей в этой глуши и тем более избавляться от тех, кто мог об этом доложить.

— Это игры верхушки, нам, простым исполнителям, не понять, — Вай похлопал товарища по плечу и с удивлением отметил, насколько тот был крепкий, хотя на вид производил впечатление не самого сильного мальчишки. — Думаю, Райса припугнут дочуркой. Подержим всех еще немного и потом введем инъекцию, чтобы память подчистить. Только вот я все думаю, это реально она? Ну, выглядит просто как обычный подросток.

— А по-твоему дочь командора должна выглядеть как-то иначе? — спросил Крис, на что солдат пожал плечами. — Она и есть обычный подросток.

— Может, хотя бы капюшон с нее содрали, чтобы удостовериться? Я, если честно, ни разу радужных не видел.

— Второй сказал, что это она, поэтому не требуется.

В отличие от Вая, Крис не только видел детей командоров, но и охранял их. По определенным причинам ему доверяли даже самых маленьких наследников, поэтому он точно мог сказать — они ничем не отличаются от своих сверстников, родившихся в других семьях, разве что макушки более разноцветные. И хоть с дочерью командора Райса ему ни разу не приходилось иметь дел, он был уверен, что она тоже обычная 14-летняя девочка, по глупости сбежавшая из дома и попавшая в неприятности из-за ошибок своего отца.

Ближе к десяти часам ночи к заводу подъехал автомобиль, из которого вышел Второй. Настоящего имени никто не знал, но это особо никого и не волновало, потому что среди солдат это было обычное дело. Второй быстрым шагом подошел ко входу, но помедлил и не зашел, так как заметил в темноте Вая и Криса.

— Почему прохлаждаемся? — недовольно процедил сквозь зубы Второй, осматривая солдат с ног до головы.

— Внутри все тихо, да и других солдат полно. Будешь сигаретку? — Крис слегка наклонил голову и с ухмылкой глянул на Второго.

— Некогда, приказ поступил, — в глазах Второго загорелся огонек, когда он услышал о предложении товарища, но время было слишком неподходящее.

— И какой же? — без какого-либо интереса спросил Крис.

— Расстрелять всех гражданских. Приказ должен быть исполнен к 22:10, — Второй взглянул на часы и отметил, что у него было еще десять минут. — Вай, все понял? Оповести остальных, но так, чтобы гражданские ничего не заподозрили. Лишний шум нам ни к чему, сделаем все быстро и уберемся, наконец, отсюда.

Когда Вай ушел доносить приказ сверху до других солдат, Второй подошел к Крису и в ожидании протянул руку, в которой уже меньше чем через минуту оказалась подожженная сигарета. Второй сделал затяжку и блаженно застонал, стоило первой партии дыма выйти из его рта. Крис стоял рядом молча.

— Тебе ведь не в первой.

Второй не уточнял, что именно, но Крис точно знал окончание фразы: «Убивать». За годы службы, да и до нее, он убил немало людей, исполняя приказы. Но всегда это были ублюдки, заслуживающие своей участи. В этот раз все было иначе.

— Это невинные люди. Там двое детей.

Крис произносил эти слова спокойно и тихо, не выражая ни презрения, ни сочувствия. Со стороны могло даже показаться, что для него это были дежурные фразы, однако внутри он боролся с желанием перестрелять всех товарищей, лишь бы сохранить жизни заложников. Второй читал это у него на лице.

— Это приказ, и это единственное, что должно быть для тебя важно.

Докурив сигарету, Второй вновь взглянул на часы, на которых уже было 22:05. Он махнул Крису и зашел в здание, ожидая, что солдат последует за ним, ведь никогда прежде он не ослушивался приказа.

Вай выполнил свою часть работы быстро и чисто. Гражданские продолжали сидеть на полу, разговаривая и даже смеясь. Никто из них не думал о том, что их сюда привезли, чтобы расстрелять, как паршивых мятежников.

— Ты отвечаешь за цель, — прошептал Второй Крису на ухо и занял позицию командующего.

В тот момент, когда Крис встал на позицию напротив двух девочек-подростков, Второй скомандовал: «Целься!» Руки автоматически схватились за оружие, и солдат направил прицел на ребенка в капюшоне. Его цель смотрела прямо на него, сжимая руку обретенной подружки, которой в этот день суждено было погибнуть просто так, ни за что.

— Огонь! — раздался оглушительный возглас Второго.

Палец нажал на спусковой крючок, и пуля вылетела из дула, попав точно в цель. Никаких мыслей, никаких сожалений. Только холодная голова и безупречная работа, как и всегда. Звуки выстрелов были слышны со всех сторон. Заложники, которые еще минуту назад разговаривали и обсуждали планы на воскресный вечер, падали один за другим — кто-то умирал сразу, а другие корчились от боли на полу. Их приходилось добивать. Некоторые солдаты специально простреливали конечности, кровожадно наблюдая за страданиями, а потом выпускали пулю в голову, даря жертве освобождение, а себе — наслаждение, ведь пока у тебя в руках автомат, ты чувствуешь себя хищником на охоте. Но Крису было плевать на то, как коллеги развлекались. Главное, что свой приказ он исполнил, а работа остальных его не касалась.

В 22:12 наступила долгожданная тишина. Дождавшись приказа Второго, солдаты опустили автоматы.

— Вот и славно, наконец-то можно по домам, — улыбающийся Вай повесил автомат на спину и подошел к Крису, — так устал уже тут торчать, — он потянулся из стороны в сторону, будто только что встал с офисного кресла после тяжелого рабочего дня.

— Крис, — вдруг крикнул Второй, — ты дождешься отряд зачистки. Остальные свободны.

Это было своего рода наказание за одну пулю, Крис точно знал, но возникать не стал. Во время расстрела взгляд Второго был прикован только к нему. Он следил за поведением и эмоциями солдата, ожидая, что тот допустит ошибку. У Криса была слишком безупречная репутация, и Второго это бесило. И хоть в отличие от него, Крис не старался как-то подниматься по карьерной лестнице, его раздражало, что по многим параметрам он проигрывал ему. В любой другой день Крис не упустил бы возможности пощекотать нервы Второму, но в этот раз ему было проще подыграть коллеге, возомнившему себя начальником, чем препираться после случившегося.

Единственным, кто посочувствовал Крису, был Вай, который искренне хотел подружиться с товарищем, остальные же сразу покинули завод. Крис никого не винил. Это работа. Какая бы ни была.

Отряды зачистки состояли в основном из солдат порядка и некоторых провинившихся солдат объединения. Обычно их вызывают, чтобы скрыть следы проделанной работы. В данном случае им предстояло уничтожить тела, чтобы от них ничего не осталось, а после замести следы пропажи этих людей. В подробности Крис никогда не вдавался, потому что не лез в то, что не входило в его обязанности.

Сев на единственный стул, что был в этом богом забытом месте, солдат впервые за весь день выдохнул и согнулся, разминая спину. Отдыхать в компании двух десятков трупов ему было не в первой. Расстегнув черный мундир и запустив пальцы в темные кудряшки, Крис уставился на мертвецов. Шрам, проходящий через левый глаз, вдруг заныл, будто напоминая о том самом дне, когда был получен.

— Черт, давненько такого не было, — выругался Крис и потер уродливую отметину на лице.

В отличие от остальных бедолаг, которые сразу же направились домой, Крису было некуда спешить. Его никто уже давно не ждал. Всю свою жизнь он посвятил службе и, в общем-то, ни о чем не жалел. По крайней мере, когда он работал, в голову не лезли непрощенные мысли, а шрам не беспокоил. Вот только почему-то в этот раз, спустя много лет, старая рана вновь давала о себе знать.

Стараясь игнорировать ноющую боль в области шрама, Крис посмотрел на результат своей работы. В горе трупов перед собой солдат уже с трудом мог отыскать свою цель. На девочке лежали три тела, а ее подруге пришлось еще более несладко. Ее со своего места Крис и вовсе не мог увидеть. *«Может, хотя бы капюшон с нее содрали, чтобы удостовериться?»* — вдруг прозвучал в голове голос Вая, и Крис медленно поднялся с места, проклиная собственное любопытство.

— Придурок, — выругался солдат, обращаясь то ли к Ваю, то ли к себе, когда подошел ближе к телу дочери командора.

При падении у девочки слетела кепка, и теперь некогда небесно-голубые волосы лежали на грязном полу. Большая половина прядей окрасилась в красный из-за чужой крови. Красивое лицо, словно маска, навсегда застыло. Глядя на него в тот момент, Крис продолжал убеждать себя, что это просто его работа. Сколько таких, как она, уже было? Это ведь даже не первый ребенок, в которого он выпустил пулю. Тогда почему шрам, как напоминание о самом ужасном дне в его жизни, горел именно сейчас?

Солдат присел на корточки и, взяв девочку за руку, приложил ее к своему лбу. Крис не верил в Бога — ни когда жил с родителями, ни когда начал новую жизнь. В Мире была лишь одна единая религия, в основе которой лежало христианство. Он несколько раз пробовал по

совету товарищей посещать службы, но как-то это совсем не помогало справляться с тем грузом, что он тащил на себе всю жизнь. Поэтому со временем он перестал ломать себя и пытаться уверовать во Всевышнего. Однако в тот момент, когда холодная рука девочки касалась его лица, ему впервые захотелось помолиться.

Вновь выпрямившись, Крис бросил взгляд на вторую руку дочери командора Райса. Она лежала в маленькой ладони другого несчастного ребенка, скрытого под несколькими телами. Бедная девочка, случайно угодившая во всю эту мясорубку. В принципе, все тут были, как она, кроме его цели, поэтому Крис не должен был уделять ей какое-то особое внимание. Он знал, что отряд зачистки вот-вот должен был приехать. Они сами разгребут эту кучу трупов, вытащат неокрепшее девичье тело и бросят его, вероятно, в грузовик, после чего избавятся навсегда. Это не его работа.

Крис несколько минут смотрел на ладонь, виднеющуюся из-под других тел, и уговаривал себя ничего не делать. Но в ту ночь он был сам не свой, поэтому совсем не слушал свой внутренний голос. До приезда отряда оставалось буквально пару минут, когда он все же начал перетаскивать тела, лежавшие на подруге дочери Райса. Почему-то Крис думал, что должен сам достать труп этой девочки — это меньшее, что он мог для нее сделать.

Товарищи Криса, если бы и взялись за такое глупое и грязное занятие, потратили бы на него не меньше десяти минут. Крис справился за две. Он отбросил в сторону три тела, словно это были не самые тяжелые мешки с картошкой, и увидел темноволосую девочку, крепко держащую за руку его цель. Она лежала неподвижно, но все же невозможно было не заметить едва вздымавшуюся грудь.

— Какого хрена, — тихо прошептал Крис, глядя на девочку, которая, он мог поклясться, была все еще жива.

Вдалеке послышался звук мотора. Отряд зачистки. Крис вновь опустился на корточки и приложил палец к шее ребенка, хотя он и без этого знал, что она лишь притворяется мертвой.

— Эй, я не убью тебя, но если ты не откроешь глаза, то через несколько минут тут будут люди, которые точно доведут дело до конца.

Крис видел, как зашевелились зрачки под закрытыми веками, а все тело девочки уже заметнее затряслось от страха, но она продолжала лежать, изображая труп. В мутные окна ударил свет фар подъехавшей машины. Времени больше не было.

Решение он принял быстрее, чем смог его обдумать. Закинув подростка на плечо, Крис выбежал из общего зала и скинул обмякшую девочку в соседнем помещении. После этого он то же самое проделал с ее подругой.

— Лежи тихо. Если не хочешь реально помереть, не издавай ни звука, пока я не вернусь, — сказал шепотом Крис, а затем вышел, подперев дверь станком, который весил не меньше тонны.

— Эй, есть кто?

Услышав посторонний голос в общем зале, Крис поправил запачканный грязью и кровью мундир и вышел к отряду зачистки.

— Здесь я, здесь, чего орать, — непринужденно крикнул Крис и подошел поздороваться с командиром отряда.

— Где тебя носит? — толстый солдат в расстегнутом белом мундире выглядел крайне недовольным.

— Я тут с этими трупами столько торчал, уже и поспать отойти нельзя? — Крис попытался отшутиться, понимая, что плохое настроение солдата вызвано не его отсутствием, а наличием грязной работы в позднее время.

Командир засмеялся и почесал свое большое пузо.

— Это святое, это прощается.

Похлопав Крису по плечу, командир махнул рукой своим солдатам и те приступили к своей работе. Действовали они настолько быстро и чисто, что уже через час в зале не было ни намека на массовый расстрел гражданских. Все это время Крис стоял рядом с командиром и не переводил взгляд на дверь, подпертую станком, чтобы не вызывать лишних подозрений. Эмоции и чувства он всегда хорошо скрывал.

— Второму я сам доложу обо всем, можешь ехать домой, — сказал командир отряда, когда последний труп был закинут в грузовик. Его настроение поднялось еще на несколько пунктов, когда Крис поделился с ним одной сигареткой.

— Если не секрет, куда их? — поджигая папироску, зажатую в чужих губах, спросил Крис.

— Обычно растворяют, чтобы даже зубов не осталось. Но не похер ли?

Солдат засмеялся, ведь для него все эти мертвые люди были всего лишь *очередными* трупами, поэтому искренняя заинтересованность Крису была для него забавной.

— Только какую-то там девчонку надо будет оставить. Там уже будем разбираться на месте, — командир почесал затылок. — Была ж там девчонка, солдат?

— Была, — без раздумий ответил Крис и словил довольную улыбку командира. Ему повезло, что приехал такой болван.

— Вот и славно, вот и славно. Люблю, когда нет никаких проблем. Второй не зря хорошо о тебе отзывался.

Толстяк докурил сигарету, после чего последним забрался в грузовик. Он был явно рад, что сегодня ему достался такой прилежный солдат Крис, который проконтролировал за него всю работу. Уверенность Крису и характеристика от Второго не позволили ему сомневаться в том, что все было выполнено, как надо.

Стоило отряду зачистки отъехать, как Крис сломя голову помчался в соседнее помещение. Отодвинув, будто письменный стол, станок, он открыл дверь и увидел ту же картину, что и час назад. Две девочки лежали на полу, держась за руки. А если точнее, одна из них крепко сжимала давно остывшую ладонь подруги.

Крис плюхнулся на пол возле девочек и устремил взгляд в потолок. 50 лет добросовестной службы солдатом объединения можно было выкинуть на помойку. Его никогда не простят за то, что произошло этой ночью. Не факт даже, что ему удастся выйти из ситуации живым. Но несмотря на это, Крис не считал случившееся ошибкой. Быть может, эта девочка — его шанс по-настоящему искупить все свои грехи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.